

Валерий Екимов

**Курсантские байки
восьмидесятых**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Е45

E45 **Екимов В.**
Курсантские байки восьмидесятых / Валерий Екимов – М.: Lennex Corp, —
Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2021. – 92 с.

ISBN 978-5-00143-378-1

«С того дня прошло уже (почти по А. С. Пушкину) тридцать лет и три года, можно даже добавить — три месяца и три дня». На страницах этого сборника рассказов Валерий Екимов, следуя добной традиции, которая сложилась в его творчестве, открывает портал во времени. Он переносит читателя в Ленинград семидесятых годов XX века и проводит в стены Военно-морского училища, где ежедневно происходят большие и маленькие события, которые складываются в сюжет молодецкой жизни курсантов. Точно переданный колорит города на Неве и атмосфера целой эпохи создают иллюзию полного погружения. Рассуждения на социальные, философские, психологические темы вкупе с забавными приключениями и морально-этическими дилеммами наталкивают читателя на серьезные мысли о прошлом, настоящем и будущем. Неужели «никогда, увы, уже не будет этого счастья: счастья встреч, знакомств, преодоления и победы. Все ваши желания давно поглотил бездушный гадкий гаджет»? Прочитав истории из жизни питерских курсантов советской эпохи, удастся найти ответ на вопрос о том, кем мы были и кем стали.

ISBN 978-5-00143-378-1

© Lennex Corp, 2021
© В. Екимов, 2021

От рукописи до книги

Валерий Екимов

КУРСАНТСКИЕ БАЙКИ ВОСЬМИДЕСЯТЫХ

Рассказы

Новокузнецк
«Союз писателей»
2020

УДК 82-32

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

E45

Екимов, Валерий Петрович.

E45 Курсантские байки восьмидесятых: Рассказы / В. П. Екимов. — Новокузнецк: Союз писателей, 2020. — 92 с. — (От рукописи до книги).
ISBN 978-5-00143-378-1

«С того дня прошло уже (почти по А. С. Пушкину) тридцать лет и три года, можно даже добавить — три месяца и три дня». На страницах этого сборника рассказов Валерий Екимов, следуя добной традиции, которая сложилась в его творчестве, открывает портал во времени. Он переносит читателя в Ленинград семидесятых годов XX века и проводит в стены Военно-морского училища, где ежедневно происходят большие и маленькие события, которые складываются в сюжет молодецкой жизни курсантов. Точно переданный колорит города на Неве и атмосфера целой эпохи создают иллюзию полного погружения. Рассуждения на социальные, философские, психологические темы вкупе с забавными приключениями и морально-этическими дилеммами наталкивают читателя на серьезные мысли о прошлом, настоящем и будущем. Неужели «никогда, увы, уже не будет этого счастья: счастья встреч, знакомств, преодоления и победы. Все ваши желания давно поглотил бездушный гадкий гаджет»? Прочитав истории из жизни питерских курсантов советской эпохи, удастся найти ответ на вопрос о том, кем мы были и кем стали.

УДК 82-32

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00143-378-1

© Екимов В. П., текст, 2020

© Издательство «Союз писателей»,
оформление, 2020

© ИП Суховейко Д. А., 2020

*Веришь? — «во весь голос» — Не хочу!
Кто я, чтобы быть Мессией?
Лишь о том сегодня не смолчу,
что горжусь своей Россией,
за ее простую... простоту,
а еще — нерасторопность
и смешную отрешенность
от ухода мира в пустоту!*

Привет, Питония!

Начало восьмидесятых.

Апрель.

Город-герой Ленинград, здание Нахимовского училища, третий этаж, второе окно слева, прямо напротив «Авроры».

Восемь утра. Малая утренняя «приборка».

В училище за каждым нахимовцем, как, впрочем, за любым военнослужащим во всех родах войск, закреплен конкретный участок «приборки», который следует убирать два раза в день: утром до занятий и вечером после них. Это окно на третьем этаже тридцать первого класса, или по-другому — первого взвода третьей роты, — объект моей «приборки». Не удивляйся, это лишь кажется, что там нечего делать, когда ты убираешь один и тот же подоконник изо дня в день утром и вечером, да еще полтора часа в субботу во время большой «приборки». Во-первых, окно огромное, около трех метров в высоту и двух в ширину...

Не веришь? Съезди к «Авроре» и посмотри на это голубое замечательное здание с минами да старинными пушками у входов со стороны Петроградской и Петровской набережных. Как сейчас помню, что мы пели про него тогда:

*В Петроградской стороне
у моста Свободы
стоит домик голубой
с пушками у входа.*

...А во-вторых, стеклянное полотно окна поделено деревянными рамами ровно на тридцать прямоугольников, так что общая длина старой прокрашенной деревяшки с учетом двух рам на окне достигает пятидесяти погонных метров, да еще и двенадцать квадратных метров старого стеклянного

полотна, выходящего, кстати, на проезжую часть. И таких окон в классе ровно четыре. Малейшая грязинка или пылинка на них сразу видна, как вон та черная ворона на льдине, именно сейчас проплывающей по Неве за моим окном. Поэтому плевый, казалось бы, участок «приборки», на самом деле совсем даже немалый и непростой.

Но это окно — мое любимое в классе. Да что там, в классе, во всем училище! Оно смотрит прямо на трап «Авроры», у которого круглосуточно стоит вооруженный матрос-часовой. Каждое утро ровно в восемь возле окна я вместе с командой корабляучаствую в подъеме флага. К слову сказать, этот подъем проходит по всем правилам этикета Русского флота: с отбитием склянок и звуками живой корабельной дудки, трубы. Экипаж крейсера первого ранга при всем параде выстраивается на верхней палубе. Два сигнальщика разбегаются в разные стороны к флагштокам на бак и на ют для поднятия гюйса и флага соответственно. Трубач, как словей выдавая волшебные трели, вначале играет тревожный «Большой сбор», затем торжественный «Подъем флага», а по его окончанию, задорно, по-хулигански перепрыгнув с мягкой ноты си-бемоль на дерзкую соль-диез, подает веселый сигнал «Вольно!». Под эти фантастические звуки морской трубы и звон склянок, встав по стойке смирно у моего окна, наблюдаю, как флаг и гюйс плавно, ни на секунду не останавливаюсь, медленно-медленно, почти вечность ползут по короткому трехметровому фалу флагштока вверх. Точнее, вбок — сигнальщики до максимума растягивают их в стороны, чтобы хоть как-то увеличить путь огромных полотен...

Тогда, в восьмидесятые, на подъем флага к самому известному до сих пор крейсеру страны, будто на смену караула у мавзолея в Москве, съезжались сотни горожан и, видимо, туристов, — полюбоваться отточенными движениями моряков. Увы, теперь мою «Аврору» вывели из состава Во-

енно-морского флота. У трапа нет больше ее матроса. Флаг и гюйс, похоже, висят круглосуточно, ну, что ли, ритуально, как на кладбище. Крейсер без Вэ-Мэ-эФ (так правильно говорить, петь) — красиво убранная могила или музей, как, впрочем, его и обзывают нынче.

...Бесконечно люблю эти утренние минуты в классе. В такое время здесь никого нет, и это немало для пятнадцатилетнего юноши при круглосуточном проживании в большом коллективе. Весь наш взвод разбежался по своим местам уборки, а их в училище не счесть. У окна только я и моя «Аврора», с которой у нас ежедневное утреннее свидание, после чего всегда повышается настроение...

И до сих пор повышается, когда теперь по утрам спешу мимо нее.

...В Питере сразу после весеннего солнцестояния входят в свои права волшебные белые ночи: в 07:15 на зарядке — уже... не темно, а в 21:40 на вечерней прогулке — еще не темно. Подъем и спуск флага на фоне ленинградских сумерек особенно впечатляющий, неподражаемый. И вот сегодня так совсем как-то по-особому хорошо: весеннее солнце радостно сияет со стороны выглядывающих над Литейным мостом куполов Смольного собора, бросая яркие косые лучи на толстые, отполированные до блеска трубы крейсера. По ярко-синей глади Невы со скоростью быстро идущего человека несутся огромные белые ладожские льдины. На одной из них в стае вечно снующих над рекой чаек действительно сидит огромная черная ворона. Похоже, она жмуриится, отворачиваясь от серебрящейся на солнце воды и отраженных бликов зеркального крейсера, неожиданно раскрывает клюв и недовольно лает в нашу с «Авророй» сторону. Это очень смешно, весело! Мне вдруг непреодолимо хочется послать привет... ей, вороне, крейсеру и моему чудесному городу

за окном, ласково во все глаза глядящему на меня сквозь волшебное окно моего теплого, но все-таки уже потихоньку улетающего детства.

Распахнув реальное окно, встаю на широкий белоснежный подоконник во весь рост и, глядя сквозь трубы «Авроры» куда-то вдаль, в сторону гостиницы «ЛЕНИНГРАД» на противоположной стороне истока Большой Невки, где в разломе Невы и застыл мой крейсер, медленно, с чувством, расстановкой начинаю семафорить первое, что приходит в голову:

Правая рука — вертикально вверх, левая — горизонтально: «П».

Левая рука — вертикально вверх, правая — горизонтально: «Р».

Правая рука — вертикально вверх, левая — вертикально вниз: «И».

Правая рука — горизонтально, левая — вертикально вниз: «В».

Правая рука — под углом 45 градусов вверх, левая — вертикально вниз: «Е».

Правая и левая руки подняты горизонтально: «Т».

Энергичное одновременное движение рук сверху вниз: «знак окончания слова».

Правая и левая руки приподняты на 45 градусов внизу: «А».

Правая рука — горизонтально, левая — вертикально вниз: «В».

Левая рука — вертикально вверх, правая — горизонтально: «Р».

Левая рука приподнята на 45 градусов вниз, правая — вертикально вниз: «О».

Левая рука — вертикально вверх, правая — горизонтально: «Р».

Правая и левая руки приподняты на 45 градусов внизу: «А».

Энергичное одновременное движение рук сверху вниз: «знак окончания семафора».

Мне удивительно хорошо и приятно стоять на подоконнике в одной робе, рабочем платье (удобной, типа широкого кимоно, повседневной хлопчатобумажной одежде моряков). Как раз накануне мы с Сережкой Рябинским всё вечернее сампо — самоподготовку — готовились к зачету по флагманскому семафору, попеременно читая и передавая друг другу всевозможные знаки, предложения, анекдоты. И вот теперь эти два слова просемафорились у меня четко, быстро, без запинки. Они вылетели сразу, сами, без раздумий, не кочевряжась, кто знает, может быть, из самой души, предназначенные всем-всем-всем, и понеслись, понеслись вдали вместе с веселой вороной на льдине. Свежий и еще довольно-таки холодный ветер шевелит на мне коротко, под полу-бокс остриженные волосы и хлопает огромным матросским гюйсом по мальчишеским плечам...

Говорят (не уверен), что теперь эту форму хотят изменить на какие-то там песочного цвета пиджачки и штанишки. Жаль, бесконечно жаль, коль это правда.

...Льдины, отражая солнечный свет, ярко серебрятся на фоне чистой темно-синей воды реки. Глаза слепит великолепие весеннего города. Любуюсь!.. Мой город, без какой-то там помпы скажу, прекрасен, причем в любое время года.

И тут вдруг прямо на капитанском мостике «Авроры» вижу ее командира, усиленно машущего мне двумя руками крест-накрест над головой — обычный знак сигнальщиков всех флотов мира, означающий: «Примите семафор».

Это очень удивительно, необычно, пугающе, но инстинктивно, даже не успев опомниться, даю отмашку крест-накрест руками внизу у ног, что значит: «Понял, готов к приему семафора».

Опытный капитан первого ранга пишет медленно, уверенно, не торопясь, фиксируя каждую букву и знак, понимая мою неопытность в этом деле:

Правая рука — вертикально вверх, левая — горизонтально: «П».

Левая рука — вертикально вверх, правая — горизонтально: «Р».

Правая рука — вертикально вверх, левая — вертикально вниз: «И».

Правая рука — горизонтально, левая — вертикально вниз: «В».

Правая рука — под углом 45 градусов вверх, левая — вертикально вниз: «Е».

Правая и левая руки подняты горизонтально: «Т».

Энергичное одновременное движение рук сверху вниз: «знак окончания слова».

Правая рука — вертикально вверх, левая — горизонтально: «П».

Правая рука — вертикально вверх, левая — вертикально вниз: «И».

Правая и левая руки подняты горизонтально: «Т».

Левая рука приподнята на 45 градусов вниз, правая — вертикально вниз: «О».

Правая рука приподнята на 45 градусов вниз, левая — вертикально вниз: «Н».

Правая рука — вертикально вверх, левая — вертикально вниз: «И».

Левая рука — вертикально вверх, правая — согнута в локте и прижата к животу, образуя перпендикулярную линию с левой рукой: «Я».

Энергичное одновременное движение рук сверху вниз: «знак окончания слова, семафора».

Радуюсь прочитанному, а главное, тому, что сумел разобрать сигналы командира крейсера, и весело даю отмашку крест-накрест внизу: «Понял».

Командир улыбается — мне это отчетливо видно, мое зрение не то, что теперь, — и, напоследок по-приятельски махнув рукой, скрывается в ходовой рубке...

Ныне часто прохожу или проезжаю, иногда с женой и внуками, мимо этого старинного, построенного архитектором А. И. Дмитриевым в 1910—1912 годах в стиле ретроспективизма здания, в котором с 1944-го разместилось Нахимовское училище. С того дня прошло уже (почти по А. С. Пушкину) тридцать лет и три года, можно даже добавить — три месяца и три дня. Сейчас у меня самого, как у того командира крейсера, три большие звезды на плечах. Теперь я с внешней стороны «Питонии», однако мои глаза по-прежнему сами каждый раз, когда бываю здесь, отыскивают и отыскивают то мое окно. Иногда вижу там силуэт очередного ее воспитанника, которые издавна, возможно, с основания училища называют себя «питонами» (воспитанник, питомец, питон — так, кажется, нам говорили наши предшественники, а им — их), и всякий раз вспоминаю то чувство случайного весеннего восторга. Невольно перебегаю глазами с окна на ходовую рубку великого крейсера, участника настоящих славных, но забытых, увы, ныне боевых сражений бок о бок с легендарным «Варягом».

Как жаль, бесконечно жаль, что мой крейсер вывели из состава ВМФ. Нахимовцев до сих пор зовут внуками «Авроры», а ее обозвали странным словом «музей». Конечно, ее историческое прошлое ныне несколько утратило свое значение. Но уверен, что как бы ни были круты повороты истории государства (взгляни-ка на пример Германии), оно только тогда может называться великим, когда у него есть великая память своего прошлого и вместе с ней — высокая осознанность, преемственность этой истории, какой